

дальной России: Материалы конф., посвящ. 80-летию со дня рождения проф. Александра Александровича Преображенского. Москва, нояб. 2005 г. М., 2010. С. 265–266.

⁴ Там же. С. 266.

⁵ Дворянские роды Российской империи. Т. 1. СПб., 1993. С. 245.

⁶ Беспаленок Е. Д. Факторы развития купеческого храмостроительства в XVIII веке // Проблемы экономической и социокультурной истории феодальной России... С. 248.

⁷ Там же. С. 256–259.

⁸ Дытин В. Курс церковного права: Учеб. пособие. Клин, 2004. С. 481.

⁹ См.: Сукина Л. Б. Человек верующий в русской культуре XVI–XVII веков. М., 2011. С. 202–203; Kleimola A. A woman's gift: the patronage of commemoration in the Russian North // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 2001. Vol. 58. P. 151–161; Soldat C. Sepulchral monuments as a means of communicating social and political power of nobles in early modern Russia // Contested spaces of nobility in early modern Europe. Burlington, 2011. P. 103–126.

¹⁰ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 173.

¹¹ Сукина Л. Б. О так называемом «посадском» элементе в социокультурной среде русского города XVII в. // Диалог со временем: Альм. интеллектуал. истории. Вып. 33. М., 2010. С. 288.

¹² Там же. С. 286.

¹³ Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования рус. буржуазии. М., 1988. С. 34–55.

¹⁴ См., напр.: Лукашевич А. М. Персональные и коллективные захоронения участников войны 1812 г. на белорусской земле и их мемориализация (1812–2011) // 1812 год. Люди и события великой эпохи: Материалы Междунар. конф. Москва, 21–22 апр. 2011 г. М., 2011. С. 69–107.

¹⁵ Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.; СПб., 2009. С. 682–683.

¹⁶ Балдин К. Е. Церковная благотворительность провинциальных предпринимателей во второй половине XIX — начале XX в.: (На примере губерний Верхней Волги) // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 38.

¹⁷ Русские ведомости. 1886. 13 окт.

¹⁸ Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 358.

¹⁹ Слонов И. А. Из жизни торговой Москвы. (Полвека назад) // Ушедшая Москва: Воспоминания современников о Москве второй половины XIX века. М., 1964. С. 209.

И. Г. Кусова

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ КУПЕЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ: ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ (на примере Скорбященского кладбища Рязани)

Изучая деловой мир России, современные исследователи значительное внимание уделяют социокультурным аспектам. Для этого используются разнообразные источники: материалы государственных архивов, музейных фондов, реже — семейных архивов. В качестве источников выступают и памятники материальной культуры — жилые и производственные здания¹, благотворительные постройки, некрополи.

Общеизвестно, что некрополи являются важными источниками сведений по генеалогии, расширяют наши познания по истории повседневной культуры и общественного сознания, по истории литературы и языка. Надписи на захоронениях уточняют известные и представляют ранее неизвестные биографические данные, иногда содержат любопытные детали, характеризующие личность и дела того, кому посвящены.

Несмотря на то, что начиная с 1980-х гг. и по настоящее время некрополистика активно развивалась, некрополи, насколько удалось выяснить, не привлекают большого внимания специалистов, занимающихся историей отечественных предпринимателей. Не обнаружилось следов ни одного сколько-нибудь крупного исследования, посвященного купеческим некрополям XIX — начала XX в. Немногочисленные издания, посвященные тематическим некрополям, или построены по конфессиональному принципу (старообрядческие, иудейские и т. д.), или описывают фамильные, воинские (как вариант — морской) некрополи. На наш взгляд, основная проблема при обращении к изучению купеческого некрополя — сложность идентификации представителей сословия, которую далеко не всегда возможно осуществить при визуальном обследовании захоронений и, следовательно, при обращении к уже имеющимся опубликованным описаниям. Выявление купеческих персоналий предполагает знание пофамильного состава местного предпринимательского сословия, только при этом условии становится возможным создание более или менее полного реестра. В данном небольшом исследовании представлены результаты опыта составления купеческого некрополя Рязани по материалам одного из исторических кладбищ города — Скорбященского, полученные в ходе изучения его рукописного описания, отложившегося в Научном архиве РИАМЗ.

Старинные кладбища Рязани становятся объектом исследовательского внимания в начале XX в. В годы Первой мировой войны член Рязанской ученой архивной комиссии Кассиан Любарский подготовил и издал сборники, посвященные трем древним монастырским некрополям Рязани — Спасскому, Казанскому и Троицкому². Сегодня популярный интернет-ресурс «Википедия» относит труд Любарского к разряду классических³. В продолжение следовало бы ожидать аналогичных изданий по оставшимся двум кладбищам Рязани — Лазаревскому и Скорбященскому. Оба кладбища появились на карте города в екатерининское время (предположительно в 1780-е гг.⁴) после очередной эпидемии холеры и представляли не меньший интерес для историков и любителей старины. Этот интерес косвенно подтверждает издание в 1860 г. неизвестным автором небольшого очерка «Скорбященское кладбище Рязани», где обзорно описаны кладбищенский храм и территория. Подробнее автор остановился на некоторых, на его взгляд наиболее интересных, захоронениях, а также поведал истории, с ними связанные⁵. Но вернемся к Любарскому. Вопреки ожиданиям, после выпуска им трех сборников про-

должения не последовало, общественно-политические события в стране не располагали к научной деятельности, издания архивной комиссии более не выходили, да и сама она вскоре была ликвидирована. Тем не менее, в начале 1920-х гг. описание рязанских некрополей было возобновлено.

Можно предположить, что инициатором описания Скорбященского некрополя выступил один из бывших членов губернской ученой архивной комиссии, известный в городе историк и краевед Дмитрий Дмитриевич Солодовников (1872–1944), автор не потерявшего и поныне своего научного значения объемного труда по истории Рязани⁶. В советское время Солодовников работал в Рязанском областном музее (ныне РИАМЗ). Именно там и сохранилось дело, описывающее некрополь Скорбященского кладбища Рязани⁷. На титульном листе дела рукой ученого выведено: «Некрополь Скорбященский. Работа членов краеведческого кружка при первых общеобразовательных студиях в Рязани, исполнена в 1923 г.» (далее — «Некрополь»). Дело представляет собой семь сшитых ученических тетрадок, на 88 листах, листы исписаны с обеих сторон разными почерками. Всего в деле описаны 1303 захоронения⁸, многие из которых содержат до 10 и более имен, имеется нумерация. Из общего числа описаний, по нашим подсчетам, порядка ста имеют отношение к купеческим фамилиям Рязани. Точное число на данном этапе исследования определить невозможно, для этого требуется продолжить работу, а именно: по архивным документам восстановить полностью гильдейский состав Рязани за все годы и затем сопоставить полученные сведения с материалами «Некрополя».

В нашем распоряжении имеются материалы ревизских сказок и гильдейские списки рязанского купечества, отложившиеся в Государственном архиве Рязанской области. Согласно законодательству, такие списки составлялись ежегодно, с 1825 по 1917 г., и подавались в губернское и городское управления⁹. Указанные документы были изучены за многие годы. Таким образом, ко времени работы с «Некрополем» у нас были довольно полные представления о списочном составе купечества города.

Информация «Некрополя» расширила имеющиеся данные, дала возможность пополнить купеческие списки новыми фамилиями, установить родственные связи. Не всегда можно точно объяснить, почему отдельные персоналии «Некрополя» не значатся в архивных документах: то ли их присутствие в городе было кратковременным и потому не было зафиксировано нами при работе со сказками и списками, то ли их деятельность протекала за пределами Рязани. Как бы то ни было, указание на надгробии на принадлежность к купечеству не дает оснований сомневаться в их причастности к данному сословию. Заметим, что подобные прямые указания на сословную принадлежность в «Некрополе» встречаются нечасто, обычно они имеют форму «рязанский купец». Подавляющее большинство таких надписей относится к началу — середине XIX в., единично они встречаются в последней трети

XIX — начале XX в. В последний раз слово «купец» появилось на надгробии в 1911 г. — на захоронении Михаила Лазаревича Федорова (л. 3 об.). Применительно к женщинам использовались формы «рязанская купчиха» или «рязанская купеческая жена» (более ранняя — «купецкая жена»), что, как выяснилось, имело различные смыслы: «купчиха» — обычно вдова, глава капитала (пусть даже и формально), тогда как «купеческая жена» состояла в капитале, заявленном мужем-купцом¹⁰. Иногда сословная принадлежность, в т. ч. и женщин, уточнялась: на памятниках указывали еще и гильдию, но таких надгробий было немного.

Фиксацию в некрополе ранних захоронений (первой половины XIX в.) следует признать редкой удачей. Автор указанного выше очерка о Скорбященском кладбище еще за 60 лет до составления «Некрополя» отмечал высокую степень заполнения кладбища: «...некоторые могилы старые разрыты, чтобы дать место новым»¹¹. Учитывая, что новые кладбища в городе до середины XX в. не открывались и продолжалась эксплуатация старых, можно сделать вывод, что во второй половине XIX — первой половине XX в. практика ликвидации старых захоронений на Скорбященском кладбище приняла еще более массовый характер.

В «Некрополе» самое раннее выявленное купеческое захоронение датируется 1802 г. (Андрей Иванович Фролов, отец городского головы Егора Андреевича Фролова) (л. 3). Могилы ранее 1840-х гг. немногочисленны, исчисляются единицами. Они сохранились, главным образом, благодаря более поздним подзахоронениям в фамильные усыпальницы, за которыми продолжали ухаживать потомки. В таких усыпальницах обычно покоятся представители двух-трех поколений. В целом, подобных коллективных захоронений немало, понятно, что обновленные надгробия на них (с перечислением всех усопших) имеют позднее происхождение и были установлены в связи с последним по хронологии погребением. Заметим, что на некоторых из коллективных захоронений ранние персоналии не перечисляются, а просто именуются «сродниками»: «под сим же камнем погребено тело сродников ея» (Наталья Николаевна Брюхова) (л. 84), аналогичный случай — могила Дмитрия Дмитриевича и Марии Николаевны Малашкиных «со сродниками» (л. 28 об.). Не всегда именуют и младенцев: на захоронении Гордеевых–Фроловых указана Пелагея Николаевна Фролова «с ея здесь лежащими 3 сыновьями, 6-ю дочерьями» (л. 10).

Анализируя надгробные надписи можно отметить следующее. За редким исключением, все они содержат полное именование персоналии: фамилию, имя, отчество. Только у детей отчество отсутствует. Имена-отчества приводятся в разных вариантах, включая как архаично-церковные формы — Иоанн (Иван Лаврентьевич Бабилов (л. 12), Иван Егорович Агапов (л. 8 об.)) или Меркул Васильев сын Васильев (л. 6 об.), так и просторечия — Миколаевна (Н. Н. Брюхова) (л. 84). У женщин встречаются упоминания девичьей фами-

лии: купчиха А. Л. Хрущева значится как «урожденная касимовского купца Полежаева» (л. 11). Или наоборот: Екатерина Ивановна Палагина, урожденная Овсянникова, похороненная в семейной усыпальнице родителей, значится в «Некрополе» как «Екатерина Ивановна Овсянникова в замужестве за купцом Ефимом Ивановичем Палагиным» (л. 7 об.). В этом единственном в своем роде случае обращает на себя внимание еще и полное именование мужа.

Надписи, содержащие сведения о браках купеческих дочерей, то есть указания наряду с девичьей фамилией и фамилии в замужестве, являются не только важной генеалогической информацией. Такого рода данные редко встречаются в гильдейских списках и ревизских сказках XIX в., тем дороже каждое упоминание о них в «Некрополе». Надгробия с девичьими фамилиями купчих, содержащие две, а то и три фамилии, воссоздают целые родственные купеческие или купеческо-мещанские, купеческо-дворянские кланы: Лебедевых–Безобразовых, Морозовых–Бельцовых, Петровых–Порывкиных–Курганских, Штейертов–Молчановых, Хрущевых–Полежаевых–Смирновых и др. Обозначенные родственные связи помогают выявить происхождение капиталов, дают ценные материалы для понимания причин обращения к разным видам предпринимательской деятельности и проч. В свою очередь, данные ревизских сказок и гильдейских списков также дополняют информацию «Некрополя», помогают идентифицировать отдельные личности. Так, благодаря привлечению имеющихся архивных данных было установлено, что безымянный супруг «рязанской купеческой жены» Пелагеи Николаевны Фроловой, оставивший на могиле безыскусные строчки («В память моей подруги, доброй и верной супруге» (так!)) и просчитавший до дней время брака («замужем 33 года, 8 месяцев 25 дней»), не кто иной, как долгие годы исправлявший должность городского головы Рязани уже упоминавшийся выше Егор Андреевич Фролов (л. 10).

Погребение замужних дочерей не с мужем, а с родителями если и не было обычной практикой, то и не являлось чем-то исключительным. Заметим, что именно в таких захоронениях нередко встречаются еще и дети безвременного ушедших дочерей — внуки-младенцы, короткие жизни которых по понятным причинам также бывает очень сложно отследить по архивным документам.

На надгробиях всегда указывается год смерти, очень часто — дата и нередко даже время кончины, например, умер в таком-то часу пополудни. Год рождения приводится не всегда, еще реже — дата рождения, вместо этого помещаются указания на возраст: скончался на таком-то году жизни или жития было столько-то лет. Иногда подсчитаны не только прожитые годы, но и более скрупулезно, как, например, у И. Е. Агапова месяцы и даже дни: «35 лет 5 месяцев 29 дней» (л. 8 об.). Встречаются редкие указания на день именин (т. н. «дни ангела» или «тезоименитство»). Уникальным по содержащимся сведениям следует признать надгробие уже упоминавшейся купчихи

Н. Н. Брюховой. На могиле рано умершей женщины помимо дат жизни и смерти указан год ее замужества: «родилась 1817 г. августа 19 дня, браком сочеталась 1834 г., скончалась 1848 г. июля 30 дня» (л. 84).

Стандартное начало надгробных надписей: «под сим камнем погребено тело» или «под сим камнем покоится прах». Впрочем, поздние надписи нередко обходятся без этих высокопарных вступлений. Весьма распространенным явлением были стихотворные эпитафии — как и полагалось, торжественные, пышные, подчас более чем многословные. Так, на могиле Смирновых стихотворение насчитывает более 30 (!) строк. Среди подобных вирш есть безликие, стандартные, как у тех же Смирновых: «Помни смертный час / Помни трубный глас / Помни страшный суд...» (л. 71), и т. д.

Есть и более адресные надписи, где просматривается некая индивидуальность покойного. К примеру, у Н. Н. Брюховой говорится, что она «страждущих другом была» (л. 84). В целом, более теплыми, сердечными были эпитафии на женских погребениях. В них обычно отмечались такие добродетели персоналий, как любовь и забота по отношению к близким, супруг подчеркивал нежную любовь к ушедшей супруге. Встречаются и обращения от лица покойных, например, у купца 2-й гильдии Г. Д. Смирнова и его супруги читаем: «Любезные детки, славьте вы нас стихами...» (л. 84 об.). Или у купчихи той же гильдии М. Г. Овсянниковой: «Любезные мои сродственники, придите и на сей хладный камень вы воззрите...» (л. 7). Обращает на себя внимание лаконичная, сдержанная и одновременно очень эмоциональная в своей сдержанности эпитафия: «Скончалась наша родительница Фанида Недовна Шестова» (л. 66).

По тексту надписей часто можно определить без прямых на то указаний, кто поставил памятник — дети, родители, супруг и т. д. Однако в отдельных случаях такая информация приводится намеренно и указывается время установки. Так, Любовь Курганская на памятнике отцу, купцу Григорию Петрову пишет: «Памятник сей воздвигнут в память чадолюбивому родителю, оставшейся дочерью от третьей его супруги в 1851 г. 2 августа Любовью Курганской» (л. 12 об.). Или на надгробии «дражайших родителей» Александра Михайловича и Феклы Антоновны «признательный сын» Аркадий Фирсов указал время установки им монумента (л. 3 об.).

Исключительным случаем следует признать единственное встреченное нами упоминание о конкретных актах благотворительности. На могиле Ефима Ивановича Палагина указано следующее: «Рязанский купец Ефим Иванович Палагин род. 16 октября 1809 г. † 10 февраля 1886 г. Оставил капитал на устройство богадельни для призрения бедных жителей г. Рязани, которая и устроена его душеприказчиком» (л. 7 об.).

Авторы «Некрополя» не только добросовестно скопировали надписи, но и кратко описали памятники. Поскольку датировку памятников далеко не всегда можно определить по причинам, о которых уже было сказано

выше, проанализируем имеющиеся описания не по хронологии, а по видовым признакам.

Формы, очертания надгробий указывались не всегда, видимо, в основном там, где они были не совсем стандартны, но практически всегда назывался материал. Почти все захоронения огорожены металлической — железной или чугунной — оградой, очень редко — ограда деревянная, еще реже встречается деревянный крест. Кресты большей частью — металлические и каменные, черные и белые, упоминаются дутые металлические.

Чаще всего надгробия изготавливались из мрамора разных цветов — белого, серого, черного, реже из чугуна. Единичны упоминания известняка: у Николая Ивановича Гордеева († 1841) «большой известковый камень аршина 1½ высоты» (л. 85). В некоторых описаниях уточняется, что памятник «старинный» (Маликовы) или «маленький памятник» (И. Е. Агапов) Над отдельными надгробиями дополнительно установлены открытые часовни (Пановы, Рождественские, Палагины, Мыльниковы, Михаил Федоров).

Лишь у нескольких захоронений отмечена их художественная выразительность. Так, у Фроловых указывается «красивый резной памятник» (л. 3), у А. М. Фирсова († 1860) — «красивый черный мраморный памятник, наверху оканчивающийся белым мраморным крестом» (л. 3 об.), у Ивана Ивановича Овсянникова († 1860) — на мраморном памятнике «наверху резное изображение Спасителя в терновом венке» (л. 25 об.). Выделяется памятник жене и детям Е. А. Фролова, хорошо известного своей общественной службой купца, — «на нескольких мраморных ступеньках высокая черная мраморная колонна, оканчивающаяся ангелом, без ограды» (л. 10). Похоже оформлено захоронение Морозовых, где в числе прочих покоился директор Рязанского городского общественного банка им. С. Живаго Михаил Панкратьевич Морозов († 1912): «белый мраморный памятник на серо-желтой мраморной подставке. Кверху суживается и оканчивается бескрылым ангелом, держащим крест» (л. 8). Также отличается могила известного благотворителя откупщика Петра Алексеевича Мальшина († 1827), на чьи средства, помимо прочего, была построена и кладбищенская Скорбященская церковь: у него единственного установлен позолоченный крест (л. 27).

Из заслуживающих внимания деталей убранства отметим резные чугунные памятники (Николай Семенович Иванов, Рюмины, Надежда Глебовна Фирсова), венки или коробки с венками начала XX в. (Ананьины, Зиновьевы, Морозовы, Григорий Алексеевич Рудаков, Аркадий Александрович Фирсов), колонну «с выступами посередине» (Лебедевы), «вымощенный пол» (Смирновы).

На общем фоне оригинальным, единственным в своем роде, выглядит захоронение пароходчика Семена Ивановича Материкина († 1911): «Крест стоит на глыбе камня... Могила окружена цепями на шести столбах» (л. 3).

В целом, знакомство с рязанским «Некрополем» расширяет имеющуюся базу данных по купеческому составу города, обогащая ее множеством деталей семейной жизни, представляет картину бытовой культуры провинциального города XIX — начала XX в. Подобного рода документы, безусловно, имеют немаловажное значение и с учетом потери де-факто старинных некрополей помогут в воссоздании исторической картины прошлого.

Примечания

¹ За последние годы интересные работы по купеческой застройке Рязани подготовлены Д. Ю. Филипповым. См., напр.: *Филиппов Д. Ю.* 1) П. А. Мальшин и застройка Рязани рубежа XVIII–XIX вв. // Третьи Яхонтовские чтения: Материалы науч.-практ. конф. Рязань, 12–15 окт. 2004 г. Рязань, 2005. С. 441–453; 2) История 33-го городского квартала // Рязанская старина. 2006–2008. Рязань, 2013. Вып. 4/6. С. 347–376; и др. Большой объем материалов по теме также содержится в недавно вышедшем рязанском томе академического Свода памятников (Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Рязанская область. Ч. 1. М., 2012).

² См.: *Любарский К. Н.* Рязанский некрополь // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. 26, вып. 1. Рязань, 1914. С. 49–114; Т. 26, вып. 2. Рязань, 1915. С. 1–32; Т. 27, вып. 3. Рязань, 1916. С. 133–150.

³ См.: Некрополистика [Электронный ресурс] // Википедия: Свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Некрополистика> (01.03.2015).

⁴ *Дудкин В. Д.* Рязанский некрополь // Рязанская энциклопедия. Т. 2. Рязань, 2000. С. 41.

⁵ См.: Скорбящинское кладбище в г. Рязани. СПб., 1860.

⁶ См.: *Солодовников Д. Д.* Переяславль Рязанский. Прошлое Рязани в памятниках старины. Рязань, 1922.

⁷ См.: НА РИАМЗ. № 503. Некрополь Скорбященский. 1923 г.

⁸ Нумерация сплошная, разбита на две части. Первая часть содержит номера 1–473, вторая — 1–790. В первой части нумерация сбита: на л. 28 ошибочно за № 489 вместо № 490 следует № 450, вследствие чего пропущенными оказались 40 номеров.

⁹ В ГАРО гильдейские списки вошли в фонды городского управления (Ф. 19 и 49) и Казенной палаты (Ф. 129).

¹⁰ Вопрос о различиях в именовании женщин купеческого сословия обсуждался на заседании секции «Купечество XIX — начала XX в.» Третьей международной научной конференции «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.» после доклада С. В. Филатовой (Кольчугиной) «Купчихи в провинциальной России...». Благодарю Светлану Владимировну за предоставленную информацию.

¹¹ См.: Скорбящинское кладбище в г. Рязани.

М. Ю. Бирюков

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТОРГОВЫХ СЛУЖАЩИХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Стремление торговых служащих к корпоративному объединению с целью осознания себя как самостоятельной социальной группы в изменяющей-